

*Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса...
Ф. Тютчев*

По прочной, давно уже сложившейся семейной традиции, каждое лето мы выезжали на дачу. Мы – это бабушка, я, её внук Володя, и моя младшая сестра Аня. После долгих суматошных сборов и укладки всего необходимого для дачной жизни мы усаживались в папину машину и с облегчением трогались в путь. Иной раз, правда, приходилось терпеть долгие автомобильные пробки на трассе, но что значили эти пробки, когда нас часа через два в глубине первозданного соснового бора, вдали от городского шума и смога, ждал настоящий рай земной.

Рай земной – это не преувеличение. Хорошо, уточню: рукотворный рай земной, сад-вертоград и благоухающий цветник, созданный руками влюблённой в своё творение бабушки. Какие только плодовые деревья,

кусты и кустарники ни произрастали на её любимом детище. В этот раз наш взгляд – только мы открыли широко калитку – поразил белый взрыв – разросшийся цветущий куст жасмина с его тонким, совершенно неповторимым ароматом. А ещё у бабушки в стройном беспорядке росли пионы, ирисы, гортензия... За решетчатый металлический забор колючими ветками, усыпанными плодами, цеплялся созревающий крыжовник...

С бабушкой на даче было всегда интересно. Она не поучала меня с Аней надоедливymi наставлениями, наверно считала, что воспитание детей – это святой долг родителей. Бабушка не запрещала нам часами сидеть за компьютерами: просто иногда вздыхала – цивилизацию не остановить. Даже к чтению нас приманивала по-своему: наливала суп и пока мы его поедали, читала небольшой захватывающий отрывок из какой-нибудь приключенческой книги. На самом интересном месте останавливалась и спокойно накладывала второе или подавала компот: «Дальше – сами читайте. Если захотите...»

Вечерами перед сном бабушка рассказывала странные истории, в которых явь порой была неотличима от вымысла. И. когда мы пошли в школу, то есть стали почти взрослыми, – то тоже начали по очереди друг другу рассказывать всякие небылицы, как бабушка... Но мы всегда обязаны были следовать одному бабушкиному условию: любая, даже страшная история должна быть с хорошим концом. Бабушка всю жизнь – а с возрастом ещё больше! – верила в чудеса!

Родители навещали нас в наши лесные и садовые уголки по воскресеньям, привозили продукты-гостинцы, сидели с нами у костра, у мангала с шашлыками, но слушая наши чудесные завиральные рассказы, только плечами пожимали: «Ну, ладно, дети... Но, бабушка, ты же взрослая!»

Папа с мамой не говорили бабушке, что её истории иногда производят странное впечатление потому, что они были воспитанными людьми и любили свою маму. И конечно, ценили всегдашнюю бабушкину заботу о нас.

– Чудеса?! В наше-то время?

Но их вопросы повисали в воздухе. Бабушка на эти недоумённые взгляды и вопросы не обижалась, помешивала большой деревянной ложкой клубничное варенье, а мыслями витала в своих чудесах – сочиняла для сонного вечера очередную историю.

Дедушка первый догадался, в чём дело: чудеса живут с теми, кто в них верит. И в подтверждение своей мысли приводил строчки известного современного поэта: «Мы с тобой в чудеса не верим, потому их у нас не бывает...» А вот с бабушкой всё было наоборот. Время от времени в её жизнь приходили необычные люди и необычные события... И вот эта история, случившаяся с ней и о которой я сейчас расскажу, доказывает, что мир полон непознанного и удивительного.

В молодости наша бабушка сотрудничала с издательствами и оформляла детские книги – она была художник-акварелист. Потом она отошла от издательства, но не от живописи. Время от времени доставала краски, акварели же писала только в охотку, для себя, для друзей в подарок.

Она была уже на пенсии, когда её разыскал дальний родственник и попросил сделать иллюстрации к детской книге. Бабушке отказывать было неловко, да и красок подходящих на даче не оказалось – она пообещала по возвращении в город найти в своём архиве что-то подходящее и поделиться.

Осенью, вспомнив про своё обещание, стала перебирать наброски, рисунки. Выбрала три-четыре подходящих для книги и, убирая папки, одну из них выронила. Веером легли поверх рисунков – фотографии, пожелтевшие документы... После смерти своей мамы бабушка, приведя в порядок бумаги, убрала их в укромный уголок и долгое время в них не заглядывала, и вот, пожалуйста, случай. Решила две фотографии со сво-

ими бабушками-дедушками вставить в рамочки и повесить на стенку, чтобы почаще вспоминать. Решила и сделала. Так фотографии и висят по сей день на той же самой стенке.

– Такие светлые лица... – улыбалась бабушка. – А прадедушка ваш был до революции известным композитором, жалко, молодым умер, – грустно поведала очередную историю бабушка.

– Ну, и где же твой чудесный конец? – резонно поинтересовались мы, уже вьедливые подростки.

– Конца пока нет. После того, как я повесила фотографии в рамочках, мне приснился странный сон. Будто одна бездетная родственница перед смертью завещала приличные деньги младшему члену своей семьи, то есть вашей прабабушке. Жила эта родственница после революции то ли во Франции, то ли в Дании.

– Бабушка, это твоя очередная чудесная история?! Ты нас разыгрываешь? – Мы с Аней не на шутку развеселились.

– Я ни на чём не настаиваю, это же только сон... – задумчиво проговорила бабушка.

...Все наши встречи с бабушкой теперь были посвящены разговорам о поисках возможного наследства. Скептикам – маме и папе – пока решили ничего не говорить. А чужим и подавно. Тем более единственными зацепками, которыми мы располагали, были *вещий* сон и письмо Петра Ильича Чайковского, непостижимым образом сохранившееся в бабушкином архиве. Вот тут и пригодилась наша дружба с компьютером, умение зависать в интернете и получать из сети необходимую информацию. Вечерами теперь все истории приключенческие (и с хорошим концом!) крутились около наследства и около наших предков. Дело нам казалось то пустым и гиблым, то обнадёживающим; в какой-то момент мы были готовы отказаться от нашей затеи, но тут неожиданно у бабушки и у меня произошла чудесная встреча. А дело было так...

– Рисунки-акварели надо отвезти в издательство, как-то сказала мне бабушка. – Книга-то у родственника уже почти свёрстана. К тому же обещание...

После смерти дедушки я иногда опекал бабушку в поездках. Мы вместе с ней вызвали такси, взяли с собой Дика, прекрасной души псину; бабушка прижала к груди акварели. Мне почему-то очень жалко её стало в этот момент. Зачем она поверила в это мифическое наследство? И нас невольно вовлекла в эту погоню за «кладом». Даже папа, прознав про наш секрет, втайне переживал, полагая наше дело безнадежным, но вида не показывал. Он много работал и надеялся отвезти нас всех на море. Без всяких наследственных денег. На заработанные.

Ну так вот... В такси, по дороге в издательство, мы ехали спокойно минут пять, и вдруг нежданно нас накрыла жуткая метель. Водителю было трудно вести машину, к тому же у него навигатор завис. Таксист начал злиться на нас, на Дика.

– Вот дом 32, я вас высажу здесь!

– Но нам нужен дом 35, это на другой стороне... – робко пролепетала бабушка. Иногда она терялась от робости.

– Здесь нет разворота, – сердито сверкнув холодными, злыми глазами, водитель высадил меня, бабушку и Дика в снежную кашу.

Мы стояли на ветру. Метель просто валила с ног. Откуда эта метель в октябре?! Мы ходили кругами и не могли перейти к искомому дому. Бабушка прижимала к груди акварели, а я – Дика. Вдруг прямо из снежной круговерти вынырнула длинноногая хрупкая девушка и звонким голосом позвала:

– Вас ждут. Скорее!

Мы с бабушкой переглянулись и поспешили за незнакомкой. Терять нам было абсолютно нечего. Кроме акварелей, конечно. И Дика. Мы походили на снеговиков. И еле передвигали ноги – так успели замёрзнуть в метельных поисках. Через несколько минут огромная башня, в кото-

рой приютилось издательство, вынырнула из снежного водоворота. Снег стал падать медленно, снежинки стали пушистыми и крупными и уже не хлестали больно по лицу, как несколько мгновений назад. Время как будто остановилось. Незнакомка, проводив нас, неожиданно исчезла. Бабушка первой стянула с себя наваждение снежной стихии и юркнула за массивную стеклянную дверь. Я остался с Диком на улице, ведь мы не знали, пустят ли нас с пёсиком через проходную.

Папа позвонил и, узнав про маету с такси, обещал забрать нас с бабушкой и отвезти домой уже на своей машине: «Ждите меня минут через десять».

Тем временем из проходной появились две забавные старушки. Ну, не совсем старушки – это были весёлые полненькие женщины, в тёмно-синих старомодных накидках и маленьких круглых шляпках. Они весело щебетали, перебивая друг друга. Затем стали аккуратно спускаться с заметённых снегом ступенек. Тут снегопад, как по приказу, прекратился, и со ступенек потекли ручейки, моментально сделав крыльцо скользким и опасным. Дедушка всегда говорил, что нельзя просто глазеть на людей, которые попали в затруднительное положение: чем можешь – помоги. Хоть руку протяни. Я улыбнулся, вспомнив его наказ, и протянул руку той даме, которая была ко мне ближе. Вторая же рука у меня была занята поводком с Диком. Но мой жест весёлые старушки расценили по-своему, тут же вцепились в меня обе. Я не удержал равновесия, и мы втроём повалились в снег. Дик прыгал, лаял, потом приволок в зубах свалившуюся шляпку одной из дам. Я вдруг подумал, что, наверное, это артистки, возвращающиеся с какого-то концерта. Одеты они были как некоторые бабушки-москвички, нарочито старомодно, но удивительно, что лица их были гладкими и молодыми. К тому же они были близняшками. Просто одно лицо! Впрочем, эти быстротечные размышления прервала одна из них:

– Какой воспитанный мальчик! – улыбнулась она.

– Какой воспитанный пёсик! – добавила и другая.

– Мы хотим тебе сделать подарок... – нараспев, дуэтом пропели они.

И тут я поверил, что передо мной действительно актрисы.

– А вы... волшебницы? – преодолев некоторую неловкость, нашёлся я.

Мы стояли друг против друга и отряхивались от снега.

– Да, мы волшебницы! – весело согласились старушки. Они жестикулировали, размахивали своими сумочками перед моим лицом, поправляли крохотные шляпки и всё время перебивали друг друга. Я понимал, что это игра, но сердце забилось быстрее, я как будто становился участником необычного действия.

– Молодой человек, мы спешим, опаздываем. Но в благодарность за вашу учтивость можем ответить только на один интересующий вас вопрос. Ответ на вопрос – наш подарок.

Вспоминая позже эту встречу, я задаю себе вопрос: почему я не спросил про маму-папу-сестру, про себя, наконец? А спросил именно про бабушку:

– Бабушка найдёт то, что ищет? Всё сбудется?

Мои волшебницы по-детски всплеснули руками и засмеялись:

– Всё сбудется! Всё сбудется! Встретившись с твоей бабушкой в вестибюле, мы и ей это сказали. Можешь задать ещё один вопрос! Быстрее думай, мы опаздываем, – и, развернувшись, почти побежали по дорожке прочь от меня.

У меня слегка зазвенело в голове: наверное, я всё-таки сильно ударился. Но всё равно крикнул им вслед:

– Когда?

– К новому году! – Пропела одна.

– К новому, к новому... – подхватила другая.

Навстречу уже спешил папа. Он обнял меня за плечи и с улыбкой подхватил Дика на руки:

– Пойдём выручать бабушку. Кстати, а что за милые тётки тебе кричали?

«Так ты тоже их видел, папа?!» – подумал я, но мы уже входили в тёмный ярко освещённый вестибюль. Это был уже другой мир. И я не стал папе ничего рассказывать: метель осталась где-то там, за стеклом и там же по ту сторону стекла остались странные бабушки.

С этого момента всё начало складываться самым лучшим образом, все наши дорожные передряги отступили. Нам с папой разрешили пройти вместе с Диком через проходную. В редакции нас напоили чаем с пряниками. Бабушка сидела притихшая и, как нам показалось вначале, умиротворённая: все её акварели одобрили и отправили в печать. К тому же наши друзья-издатели подарили много книг – мне и моей сестре Ане. А ещё две внушительные коробки печенья с изюмом. Так что и Дик, любитель печенья, остался доволен... Вот тут я и рассказал бабушке про встречу с актрисами-волшебницами. И деликатно, как мне показалось, спросил её:

– А тебе они не попались навстречу?

– Ты нам всё рассказала? – папа предпочитал ясность и последовательность в изложении.

Бабушка на секунду потупилась, потом решительно выпалила:

– Да, я тоже видела этих волшебных старушек и разговаривала с ними!

– О чём?

И бабушка в двух словах обрисовала встречу. Те же веселушки в синих накидках и синих фетровых шляпках, которых видел я на улице в метель, встретились ей в бюро пропусков. Увидев заметённую бабушку, всплеснули руками: «Живая Метелица!» Бабушка предложила им укутаться потеплее, мол, метель на улице. Они засмеялись так заразительно, как будто бабушка сказала что-то весёленькое. А она протянула им маленькие шарфики, которые несла в подарок издателям. Те в ответ пообещали снегопад остановить, и одна из старушек даже пристукнула о пол своей тросточкой, на которую слегка опиралась при ходьбе. И тотчас всё покрылось серебряными блёстками: пол, потолок, стены, будка дежурного вахтёра...

– И всё? – папа хотел разобраться, куда клонит бабушка.

– Нет, они мне вслед ещё пропели: «Ты найдёшь, что ищешь. Всё случится!»

– Ну и хорошо, – папа не хотел никого обижать, но в наших играх и фантазиях не собирался участвовать. Он подал бабушке пальто и стал откланиваться. Все вдруг уставились на бабушку. Рукава её пальто были в серебряных блёстках!

Уже дома за вечерним чаем, бабушка призналась, что историю с наследством придумала для того, чтобы заинтересовать внуков своим родословным деревом. Представляю, как бабушка была растеряна, когда старушки-волшебницы пообещали, что все фантазии её воплотятся в жизнь.

* * *

Долго ли коротко, но прошло некоторое время. Бабушка написала цикл акварелей, где сквозными героями вывела волшебных старушек, получила за цикл небольшую премию, всю семью предложила вывезти на море. Правда, и папа из своего заработанного немало добавил в общую копилку... Но мы не стали об этом бабушке говорить. Пусть уж продолжает верить в чудеса.

Теперь время от времени, но уже менее скептически, папа интересуется нашими успехами в поисках наследства.

– Это – игра, – говорим мы ему. – Но почему, скажите на милость, перед каждым Новым годом наши сердца начинают самым чудесным образом биться быстрее?!